

ФРАНЦУЗСКИЕ ГУВЕРНЕРЫ И ГУВЕРНАНТКИ В МОСКОВСКОМ И ПЕТЕРБУРГСКОМ УЧЕБНЫХ ОКРУГАХ (1820-е – 1850-е гг.)

Образ гувернера в трудах историков

В историографии сложилась определенная традиция освещения роли французских гувернеров в воспитании российского дворянства, берущая начало еще от резких сатирических эскападов Н.И. Новикова в журнале «Трутень» за 1769 г.¹ Солидные авторы XIX в., такие как А.А. Васильчиков и А.С. Воронов, приходили к мнению, что обучение под руководством невежественных иностранцев (в основном французов) было вредным и опасным². На рубеже XIX–XX вв. Н.Д. Чечулин продолжил традицию собирания курьезных историй, связанных с иностранными учителями³. А. Дунин показал, что среди гувернеров численно преобладали иностранцы – французы и немцы, а уровень квалификации напрямую был связан со степенью оплаты и уровнем достатка семьи, в которой работал гувернер⁴. По мнению И. Павленко, учение под руководством иностранных гувернеров приносило внешний европеизм, в лучшем случае – возможность читать в подлинниках произведения художественной и научной мысли Западной Европы, но в этом была своя опасность – вольтерьянство, легкомысленное без-

---

* Ольга Юрьевна Солодянкина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Череповецкого государственного университета.

¹ «Поручайте немедленно будущую подпорку государства сим побродягам и думайте, что вы исполнили долг родительский, когда наняли в учителя французов, не узнав прежде ни звания их, ни поведения». – Новиков Н.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1959. С. 53.

² Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т.2. СПб., 1880; Воронов А. Федор Иванович Янкович де-Мириево или Народные училища в России при императрице Екатерине II-й. СПб., 1858.

³ Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. Исторический очерк. СПб., 1889; *Он же*. Воспитание и домашнее обучение в России в XVIII в. // Дела и дни. Исторический журнал. Петроград, 1920. Кн. 1; Пб., 1922. Кн. 3.

⁴ Дунин А. Гувернеры в старину в помещичьих семьях (Очерк) // Исторический вестник. 1909. Т. 117. С.185–194.

божничество, нравственная распущенность⁵. Традицию собирания сведений о невежестве французских учителей пытались переломить французские исследователи. Ф. Тастевэн акцентировал внимание на том, что бездоказательные обвинения французских гувернеров в невежестве были высказаны в пылу полемического запала в ходе борьбы с галломанией⁶, а Э. Оман⁷ отметил, что после брака Павла Петровича с вюртембергской принцессой в России особое распространение получили гувернеры из Эльзаса, отличавшиеся билингвизмом и высоким уровнем общей подготовки.

После 1917 г. в отечественной историографии традиция негативного отношения к деятельности иностранных гувернеров была продолжена в еще более нигилистическом аспекте; она ослабела только к 1960-м гг. С конца 80-х гг. XX в. появляются работы об иностранцах (в том числе французах) в России XVIII–XIX вв., и происходит возвращение темы гувернерства в проблемное поле истории⁸. Для постановки проблемы как таковой особо стоит отметить роль работ А.В. Чудинова, обозначившего важные подходы к изучению феномена французских гувернеров в России⁹. Значимыми являются и работы В. Береловича¹⁰, посвященные изучению образовательных стратегий русского дворянства второй половины XVIII в.

Е.Ю. Артёмова, разбирая путевые заметки, дневники, письма, воспоминания французских путешественников, констатировала, что из всех видов воспитания и обучения детей в России домашним формам в записках уделяется больше всего внимания, при этом даются ко-

---

⁵ Павленко И. Воспитание и образование в царствование Екатерины II // Русская школа. 1911. № 10, 11.

⁶ *Tastevin F.* Histoire de la Colonie Française de Moscou. Depuis les origines jusqu'à 1812. P., 1908.

⁷ *Haumant E.* La culture française en Russe (1700-1900). P., 1910.

⁸ См., например: *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1997; *Коротков С.Н.* Французские эмигранты в Санкт-Петербурге в конце XVIII века, русская цензура и культура Просвещения // Петербургские чтения – 96. СПб., 1996; *Ржеуцкий В.С.* Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // Россия и Франция. XVIII–XX вв. Вып. 5. М., 2003; *Он же.* Французы на русских дорогах: роль иммиграционной политики России 1760-х гг. в формировании франкоязычных землячеств Санкт-Петербурга и Москвы // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 2001; *Ржеуцкий В.С., Сомов В.А.* Французы в России в эпоху Просвещения (материалы к истории русско-французских связей 1760 – 1780-х гг. из архива французского посольства в Санкт-Петербурге) // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской Национальной библиотеки. СПб, 2001.

⁹ См., например: *Чудинов А.В.* Французские гувернеры в России конца XVIII в.: стереотипы и реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004.

¹⁰ См., например: *Берелович В.* Образовательные стратегии русских аристократов. Воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // Там же.

лоритные характеристики французских гувернеров¹¹. Традиционно темами, связанными с образованием и воспитанием, занимались историки педагогики и литературоведы, а не только «чистые» историки. О.Л. Зверева и А.Н. Ганичева, определяя XVIII в. как «эпоху гувернерства», анализировали качество иностранных наставников, противопоставляя образованных наставников царской семьи и редко соответствующих нравственным идеалам и слабо разбирающихся в науках наставников основной массы дворянства. Как результат осознания негативных моментов в деятельности иностранных наставников, «в конце XVIII в. в обществе назревает протест против гувернера-иностранца»¹².

С.В. Сергееву (Трошину) как специалиста по истории педагогики интересовали прежде всего правовые аспекты положения гувернеров и оплаты гувернерского труда, а также методические приемы преподавательской и воспитательной деятельности, с тем чтобы использовать накопленный опыт в процессе создания и функционирования современных гувернерских служб. По мнению Сергеевой, под руководством гувернеров дети овладевали грамматикой, а проблемы обучения устной речи, постановки произношения просто не ставились¹³. Краткий хронологический период рубежа XVIII–XIX вв. освещен в работах А.И. Любжина¹⁴, интересные наблюдения содержатся в статьях, монографиях и учебных пособиях О.Е. Кошелевой (XVIII в.)¹⁵ и Н.Л.Пушкарёвой (XVIII – начало XIX в.)¹⁶.

Как видим, фокус внимания исследователей сконцентрирован преимущественно на второй половине XVIII – начале, в крайнем случае первой четверти XIX в. Ситуация с французскими гувернерами в

¹¹ Артёмова Е.Ю. Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII в.). М., 2000.

¹² Зверева О.Л., Ганичева А.Н. Семейная педагогика и домашнее воспитание: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2000. С. 87.

¹³ Трошина С.В. Гувернерство в домашнем образовании России первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1995; Сергеева С.В. Частное образование в России (последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.). Пенза, 2000; Она же. Теория и практика частного образования в России (последняя четверть XVIII в. – первая половина XIX в.): Монография. М.; Пенза, 2003.

¹⁴ Любжин А. Домашнее воспитание в конце XVIII – начале XIX в. в России // Лицейское и гимназическое образование. 1998. №1.; Она же. Очерки по истории российского образования императорской эпохи. М., 2000; Она же. «Париж, столица Франции ... ищите, дети!» Домашнее воспитание на рубеже XVIII–XIX веков // Домашнее воспитание. 2001. №1.

¹⁵ См., например: Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.). М., 2000; Она же. У истоков женского образования в России // Педагогика. 1993. № 2.

¹⁶ См., например: Пушкарёва Н.Л. Домашнее образование российских дворянок (по мемуарной литературе конца XVIII – начала XIX в.) // Вестник Университета Российской академии образования. 1999. №2; Она же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997.

правление Николая I изучена крайне слабо, что и определило хронологические рамки настоящего исследования – середина 1820-х – середина 1850-х гг. Основными источниками для характеристики французов, претендовавших на звание домашнего учителя, гувернера и гувернантки, послужили архивные материалы¹⁷.

Взгляды современников и реакция общества

Возможность домашнего обучения была предоставлена лицам дворянского происхождения по закону от 9 февраля 1737 г., говорившего «о бытии недорослям до двадцати лет возраста их в науках»¹⁸. 5 мая 1757 г. был издан указ: для всех иностранцев, желавших заниматься частным обучением на дому или в частных школах, вводились предварительные испытания при Академии наук в Петербурге или при Московском университете, после чего можно было заниматься педагогической деятельностью¹⁹. Первые иностранцы (часто случайные авантюристы) сформировали стереотипы ожидаемого поведения, с которыми сталкивались последующие поколения наставников, не будучи готовыми к этому.

Современники считали, что в середине XVIII в. гувернантками и гувернерами были обычно немцы, к началу XIX столетия – французы, и значительно реже немцы, крайне редко – англичане. В XIX в. растет число швейцарских гувернеров и особенно гувернанток. В целом наиболее распространены были французские наставники, но бывали периоды, когда их считали опасными как потенциальных носителей революционных идей. А. Михайлов уже в начале XX в. так описывал расширение рынка преподавателей в связи с массовой эмиграцией французского дворянства периода Французской революции: «Легче всего было пройти по проторенной дорожке и стать учителем. Кандидаты на педагогическую деятельность становились обыкновенно в Москве на паперти католической церкви каждое воскресенье после обедни, куда за ними присылали лакеев, или же шли в знаменитый Охотный ряд и засаживались там в трактир, служивший, так сказать, биржей гувернеров. Тут попадались иногда и люди

---

¹⁷ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) и Российский государственный исторический архив (РГИА).

¹⁸ О явке недорослям в Санктпетербург к Герольдмейстеру, а в Губерниях к Губернаторам для освидетельствования их в науках; о назначении им сроков к обучению и об определении их на места, по достижении 20-летнего возраста. Именной Указ от 9 февраля 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 10. 1737–1739. СПб., 1830. С. 43.

¹⁹ О предварительном испытании в науках иностранцев, желающих определяться в частные дома для обучения детей, и о взыскании штрафа с тех, которые примут к себе в дом и станут держать учителя, не имеющего должного аттестата. Именной, объявленный из Сената Указ от 5 мая 1757 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 14. СПб., 1830. С. 765.

действительно образованные и сведущие»²⁰.

При этом постепенно возникло мнение о первенстве англичанок среди воспитательниц. В отличие от англичанок образовательные и учительские способности французских гувернанток в педагогической литературе оценивались низко. Однако у француженок были другие достоинства. Конечно, это должна была быть француженка, «только что прибывшая из Парижа»²¹. В «Руководстве для гувернеров и гувернанток» сообщалось: «Она обладает живым и веселым характером, ум ее гибок и изворотлив, она способна воодушевляться самою пустою болтовнею и сделать ее интересною для других. <...> оне имеют более лоска, чем англичанки <...> француженка отличается особенным умением и тактом приобретать влияние не только на детей, но и на всех членов семьи; ее ум, вкус, привычки, способ выражаться, до того увлекательны, что всем нравятся; ей стараются подражать и усваивать все ее манеры»²². Как результат, «француженка предпочитается другим и более других избалована русскими»²³.

Французы осознавали свое несомненное превосходство. Особенно во второй половине XVIII в., причем удобнее всего им было сравнивать себя с немцами и русскими: французы выигрывали у них по всем статьям²⁴. А. Шлёцер, один из наставников в семье графа К.Г. Разумовского (в известном «пансионе 10-й линии» на Васильевском острове), будущий профессор Геттингенского университета, натерпевшийся в России от заносчивых французов, свидетельствовал, что в русских дворянских семьях предпочитали в качестве гувернеров французов – обладателей приличной наружности, которая в то время заменяла и происхождение, и знания, и опыт работы. Прежние лакеи и мастеровые, если только они были французами приличной наружности, устраивались гувернерами на хороших условиях, а немцы, как писал Шлецер, хотя и ученые люди, наружностью не блистали и потому уступали французам²⁵. Близкими по качествам к французам считались швейцарцы: «Швейцарка – та же француженка, только умом и манерами она блесит меньше, чем по-

²⁰ Михайлов А. Как насаждалась французская культура в России // Исторический вестник. 1910. Т. 122. № 11. С. 626.

²¹ Зражевская А. Картины дружеских связей: В 2-х ч. Ч. 2. СПб., 1839. С. 233.

²² Лесгилье А. Руководство для гувернеров и гувернанток. На русском, немецком и французском языках. Необходимая настольная книга для каждого семейства, с прибавлением законов, относящихся к правам и пенсиям лиц, посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России. СПб., 1870. С. 75–76.

²³ Там же. С. 76.

²⁴ Массон К. Воспоминания // Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Ч. 2. Вып. 2. М., 1922. С. 43.

²⁵ Цит. по: Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 2. С. 8.

следняя. <...> Чтобы воспользоваться всеми преимуществами французенки, ей необходимо несколько лет прожить в Париже, где мало-помалу стущуются все те отпечатки, которые резко отделяют ее от природной французенки»²⁶. Мода на наставников, представителей разных стран, менялась, поскольку менялись доминирующие языки (немецкий - в первой половине XVIII в., французский – в последующие периоды, претенциозно-элитарный английский – в XIX в.). Как результат, между поколениями возникали лингвистические и еще более серьезные межкультурные конфликты.

Споры о дальнейшей участи частного образования продолжались долго. А.С. Пушкин, получивший типичное гувернерское воспитание и начальное образование, еще не женатый и бездетный, писал в 1826 г.: «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенок окружен одними холопами, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. <...> Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное»²⁷.

Еще более резко в записке императору формулировал свои мысли Ф.В. Булгарин: «Отданные с детства на руки французским гувернерам (в числе коих весьма мало достойных воспитателей), молодые русские дворяне под их руководством учатся только многим языкам, получают поверхностное понятие об истории и других науках и, переняв совершенно образ мыслей своих воспитателей, на 17 или 18 году вступают в свет, не имея никакого понятия о людях и вещах и вовсе не зная России. Они всех людей, даже китайцев, почитают французами, смотрят на всё французскими глазами и судят обо всем на французский манер. Всё, что было и есть во Франции, кажется им совершенным и применительным повсюду. Верх мудрости почитают они правила французских энциклопедистов, которые и называют *философией*»²⁸.

Распространялись слухи о смене образовательных стратегий. Француз Ф. Ансело в 1826 г. записывал: «Кажется, правительство задумалось над этим, и сейчас говорят о предстоящем учреждении императорских школ, где обучение будет сообразовываться с нравами, за-

²⁶ Лесгилье А. Руководство для гувернёров и гувернанток. С. 76.

²⁷ Пушкин А.С. О народном воспитании // Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 86.

²⁸ Булгарин Ф.В. О цензуре в России и о книгопечатании вообще // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 46.

конами и установлениями страны»²⁹. В манифесте от 13 июля 1826 г., объявлявшем об участии декабристов, указывалось родителям на необходимость «нравственного воспитания детей»: «Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил – недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, должно приписать сей порыв в мечтательныя крайности, коих начало есть порча нравов, а конец – погибель. Тщетны будут все усилия, все пожертвования правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам»³⁰.

Реакция властей

Законодательство постоянно возвращалось к теме регулирования деятельности иностранных учителей: об этом говорилось в распоряжениях министров народного просвещения 1812³¹ и 1828 гг.³², в Уставе учебных заведений 1828 г.³³, Дополнительном постановлении к Уставу 1828 г. от 12 июня 1831 г.³⁴.

При министре народного просвещения А.С. Шишкове (1824–1828) предлагалось закрыть все частные пансионы, а что касается домашнего воспитания, оно, считалось, «должно быть терпимо, ибо несправедливо было бы лишать родителей права избирать полезнейшее по их заключению образование детям своим; но одно только народное, общественное воспитание заслуживает одобрения правительства»³⁵. Однако столь радикальные меры министру не удалось. Статистика свидетельствовала: в одной Санкт-Петербургской губернии в 1824 г.

²⁹ Ансело Ф. Шесть месяцев в России. М., 2001. С.57-58.

³⁰ Щепкин Д.М. Московский университет в половине двадцатых годов // Вестник Европы. 1903. Т. 4. № 7. С. 229-230.

³¹ Мнение Министра Народного Просвещения. 19 января 1812 г. Об испытании домашних иностранных учителей // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: В 2 т. Т.1. Царствование Императора Александра I. 1802-1825. СПб., 1875. Стб. 770–777.

³² ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4167. Л. 4об.; Д. 3697. Л. 8 об.–9.

³³ 8 декабря 1828 г. Об Уставе Гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. В 2 т. Т.2. Царствование Императора Николая I. 1825-1855. Отделение первое. 1825–1839. СПб., 1875. Стб.200–257.

³⁴ Выписка из Указу Министру народного просвещения. 12 июня 1831 г. Дополнительные постановления к уставу 1828 года о занимающихся содержанием частных учебных заведений и обучением юношества // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. В 2 т. Т.2. Царствование Императора Николая I. 1825–1855. Отделение первое. 1825–1839. СПб., 1875. Стб. 438-440.

³⁵ Из сообщения министра народного просвещения А.С. Шишкова Комитету устройства учебных заведений – о причинах плохого состояния учебных заведений и о мерах, необходимых для его улучшения. 2 июня 1826 г. // Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX – начало XX века. Сб. документов. СПб., 2000. С.77.

оказалось 186 домашних учителей, не имевших свидетельств на право обучения; в основном это были французы и швейцарцы. Мера борьбы с подобной практикой была принята паллиативная: Университет стал печатать в газетах списки тех наставников, что сдали экзамены и получили право преподавать в частных домах, а уж родители вольны были или принять эту информацию к сведению, или проигнорировать ее³⁶.

Полного контроля за домашним воспитанием не удалось добиться и после восстания декабристов, многие из которых говорили о влиянии на них свободолюбивых гувернеров³⁷. Революционные события 1830 г. в Европе заставили вновь вернуться к рассмотрению вопроса об учителях-иностранцах. Общественное мнение большинства западноевропейских государств пугало русские власти: в нем не было никаких охранительных начал. В итоге, чтобы обезопасить страну от наплыва вольномыслящих людей под видом иностранных наставников, русским миссиям за границей было поручено строго наблюдать за лицами, отправляющимися в Россию в качестве учителей и воспитателей (12 июня 1831 г. вышло Дополнительное постановление к Уставу 1828 г.³⁸). В частности, предлагалось: внушать иностранцам, чтобы при отправлении в Россию они снабдили себя необходимыми документами (о своем состоянии, вероисповедании, поведении); а нашим заграничным миссиям «разведывать самим о сих людях и сообщать» в Петербург все, что о них узнают; «неблагонадежным или подозрительным вовсе не выдавать паспортов на отъезд в Россию»³⁹. Засвидетельствовав паспорт для проезда в Россию на основании представленных документов, дипломатический представитель сообщал об этом в МНП, а из министерства предупреждали попечителя того учебного округа, куда направлялись учительница или учитель, либо, если речь шла о Кавказе, – главноуправляющего Грузией, Кавказской и Закавказской областями⁴⁰. Дабы обеспечить контроль властей за деятельностью иностранных наставников, они, по предписанию министра народного просвещения от 8 июля 1831 г., должны были трудиться в России только после получения в губернских гимназиях свидетель-

³⁶ Воронов А. Указ. соч.. С.80.

³⁷ См., например: Восстание декабристов. Документы. Т. 14. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии. М., 1976. С. 366, 395.

³⁸ Выписка из Указу Министру народного просвещения. 12 июня 1831 г. Дополнительные постановления к уставу 1828 года о занимающихся содержанием частных учебных заведений и обучением юношества // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. В 2 т. Т.2. Царствование Императора Николая I. 1825–1855. Отделение первое. 1825–1839. СПб., 1875. Стб. 438–440.

³⁹ Там же. Стб. 439.

⁴⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 108. Лл. 32, 37, 90, 92, 105, 107, 111, 113..

ства на право обучения⁴¹.

Рубежным в рамках реализации курса Николая I на формирование национального русского сознания в воспитании и обучении явился 1834 г. 25 марта 1834 г. было подписано Высочайшее повеление «О воспрещении принимать иностранцев обоюбого пола без надлежащих свидетельств в дома Дворян, Чиновников и купцев, в учительския, наставническия и гувернерския звания»⁴². 1 июля 1834 г. вышло «Положение о домашних наставниках и учителях». Вводились новые обозначения: домашний наставник, домашний учитель/учительница, надзиратель/надзирательница. Домашними наставниками считались те, кто закончил полный курс обучения в одном из высших учебных заведений, то есть имел аттестат со званием действительного студента или диплом на ученую степень одного из российских университетов, а домашними учителями назывались те, кто, не имея аттестата высшего учебного заведения, проходил специальное испытание в университете, лицее или гимназии. Во время этого испытания нужно было продемонстрировать общие познания и основательные сведения по тем областям знания, которые они собирались преподавать. Претендовать на работу по воспитанию детей могли «люди всякого свободного состояния», «Христианского вероисповедания, достаточно известныя со стороны нравственных качеств»⁴³. Иностранцы подданные допускались к педагогической деятельности, но правами и преимуществами, присвоенными званием домашнего наставника или учителя, не могли воспользоваться. Кроме того, они должны были предоставить документы о крещении и одобрительное свидетельство от русской миссии за границей. От иностранцев, давно находившихся в России, такие свидетельства не требовались, но они должны были предъявить одобрительные отзывы о поведении и нравственных качествах от начальства тех мест, где они находились на жительстве, и от благонадежных лиц⁴⁴. «Положение» было переведено на французский и немецкий языки и некоторое количество экземпляров было, как сообщал С.С.Уваров, «препровождено мною к Вице-Канцлеру, для снабжения наших Миссий при Иностранных Дворах, дабы чужеземцы, желающие переселиться к

⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 163. Л. 1.

⁴² Высочайшее повеление от 25 марта 1834 г. О воспрещении принимать иностранцев обоюбого пола без надлежащих свидетельств в дома Дворян, Чиновников и купцев, в учительския, наставническия и гувернерския звания. Указ Правительствующему Сенату // Журнал ММП. 1834. Ч. 2. № 4. С. LXXI–LXXIII.

⁴³ Высочайшее повеление от 1 июля 1834 г. Положение о домашних Наставниках и Учителях. Указ Правительствующему Сенату // Журнал ММП. 1834. Ч. 3. № 8. С. XIX.

⁴⁴ Там же. С. XXXIII.

нам с намерением посвятить себя домашнему воспитанию, были предварены об условиях, по удовлетворении только коих они могут быть к тому допущены»⁴⁵.

За деятельностью губернаторов, трудившихся в дворянских семьях, после 1834 г. был организован постоянный контроль. По окончании года наставники представляли директору училищ «отчеты в своих трудах и занятиях»⁴⁶, подробно прописывая, с кем из детей что именно и по каким учебникам проходили, какие успехи и какое прилежание продемонстрировали дети⁴⁷. Одновременно губернаторы и гувернантки должны были приложить одобрительные свидетельства о себе от уездного предводителя дворянства и от своих работодателей. Директор училищ совместно с почетным попечителем гимназии составляли краткое извлечение из всех поступивших отчетов, дополняли своими замечаниями и через университет представляли попечителю учебного округа, а тот уже доставлял документ в министерство. Приезжавшие контролировать учебные заведения визитаторы должны были «обращать бдительное внимание между прочим и на нравственные качества, способности и познания домашних Наставников, Учителей и Учительниц и в представляемых от них отчетах помещать особою статьею последствия наблюдений и осведомлений своих по сему предмету»⁴⁸.

Осознавая роль чтения в формировании сознания и нравственных представлений, разработчики «Правил о домашних наставниках и учителях» вставили специальный пункт: «При преподавании в частных домах избираются учебные книги и руководства из числа одобренных Правительством для казенных Училищ. Впрочем, по желанию родителей или заступающих их место не возбраняется употреблять и другие книги и руководства, дозволенные Ценсурой, с строгим однако наблюдением, чтобы оныя не могли иметь вредного влияния на нравственность, народное чувство и вообще на образ мыслей воспитывающегося юношества»⁴⁹. Теперь иностранные воспитатели были ограничены в выборе учебной литературы: даже для преподавания французского языка им нужно было использовать российские, а не аутентичные учебные пособия. В результате всех этих мер был установлен доста-

⁴⁵ Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству Народного Просвещения за 1834 год. СПб., 1835. С. 21.

⁴⁶ Министерское распоряжение от 2 августа 1834 г. Утвержденные Министром Народного Просвещения Дополнительные Правила о домашних Наставниках и Учителях // Журнал МНП. 1834. Ч. 3. № 9. С. LXIII.

⁴⁷ См., например, отчеты о занятиях домашних наставников, учителей и учительниц за 1848 г. – РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 581.

⁴⁸ Там же. С. LXIII.

⁴⁹ Там же. С. LXII.

точно полный контроль за педагогической деятельностью.

Испытание кандидатов на место гувернера или гувернантки

Уровень образования потенциальных гувернеров и гувернанток были призваны проверять испытательные комитеты на звание домашнего учителя при университетах. Из протоколов такого комитета, действовавшего в Санкт-Петербургском университете⁵⁰, видно, что председательствовал на заседании комитета ректор университета. В конце 1820-х – начале 1830-х это был ординарный профессор, действительный статский советник Антон Антонович Дегуров, француз по происхождению, специалист по латинскому языку. Заявления на его имя желательно было подавать на одном из этих двух языков. В Москве конца 1820-х гг. училищным комитетом, определявшим судьбу домашних учителей и наставников, руководил ректор университета Иван Алексеевич Двигубский⁵¹. В состав испытательного комитета входили ординарные профессора университета и лекторы иностранных языков. Лекторы, немцы и французы, порой сами были в прошлом домашними учителями. Так, в Москве в состав испытательного комитета на протяжении восемнадцати лет входил Адольф Иванович Пако (Pascault) (1800–1860), француз, с 1824 г. учитель братьев Самариных в их домашней школе, а в 1836–1853 гг. – преподаватель французской словесности в Московском университете⁵².

Испытуемый отвечал устно на вопросы по предмету испытания и писал сочинение. Тексты сочинений в массе своей до сих пор хранятся в личных делах испытуемых. У экзаменаторов были излюбленные темы сочинений: об образовании; о важности образования; об образовании как источнике счастья; о науках; о характере детей; об обязанностях гувернантки; о скромности; о терпении; о благодарности; но могли быть и оригинальные темы сочинений – о музыке; о равенстве людей (!).

По окончании процедуры Комитет выносил определения, и далеко не всегда утвердительного характера. Возьмем обычное заседание испытательного комитета Петербургского университета 12 февраля 1829 г. Экзаменовалось 6 человек, все иностранцы: французские подданные Симонин, аббат Купелье, Сен-Жульен, Валлин, Адольф

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 130; также см. дела из оп. 24.

⁵¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 132. Д. 28. Оп. 503. Д. 2, 4.

⁵² Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: В 2 ч. Ч. 2. М., 1855. С. 201.

Стор и немец Гроссгенрих. Решение было строго дифференцированным: «Симонин может учить французскому языку и словесности, аббат Купелье не может учить французскому языку, Сен-Жульен может учить французской словесности, сравнивая оную с словесностью других языков, Валлин может учить началам французского языка, Карл Гроссгенрих может учить французскому и немецкому языкам, Адольф Стор может учить началам французского языка»⁵³.

Таким образом, возможны были несколько итоговых формулировок, отражавшихся в тексте свидетельства: может учить языку, может учить только началам языка, может учить языку и словесности, «познания хорошие в этимологии и синтаксисе французского языка и может обучать обоим предметам»⁵⁴, может учить нескольким языкам, может обучать чтению и письму на языке, может обучать только разговорам на этом языке или только чтению, «может учить языку, но не знакам препинания, по обыкновению женского пола»⁵⁵, «может учить с успехом»⁵⁶, «может учить с честью»⁵⁷.

Итоговое свидетельство в то время выглядело таким образом: «Объявительнице сего Иностранке Кларе Лафонтен в следствие поступившего от нея прошения Училищный Комитет Императорского С.Петербургского Университета дозволяет, на основании § 146 Устава учебных заведений обучать в частных домах французскому языку, так как она Лафонтен по экзамену оказалась к тому способною; во уважение чего и дано ей сие Свидетельство за надлежащим подписанием и приложением Университетской печати. С.Петербург октября 11 дня 1830 года»⁵⁸. Подписывали свидетельство ректор А. Дегуров и секретарь комитета. Как видим, в тексте документа ничего не говорилось о гувернерстве, не указывались и какие-то обязательства, налагаемые этим документом. В нем даже первоначально не указывались никакие данные о человеке, кроме его имени и иностранного (без конкретизации) статуса. Эта ошибка вскоре была замечена, и текст свидетельства подкорректировали. Фамилию старались писать не только по-русски, но и на языке оригинала, что было важно из-за проблем с транскрибированием имен иностранцев (правда, это правило жестко не выдерживалось). В свидетельство также вошла фраза «может обучать такому-то языку и быть гувернанткою» (мужчинам уточнений о

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 130. Л.18.

⁵⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 7. Д. 26. Л. 4.

⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 24. Д. 379. Л. 3.

⁵⁶ Там же. Д. 413. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Д. 744. Л. 3.

⁵⁸ Там же. Д. 316. Л. 2.

гувернерстве не делали). Корректировке подверглось и указание, на основе какого документа университет проводил испытание. Теперь фраза об этом в свидетельстве звучала так: «Училищный Комитет Императорского С.Петербургского университета дозволяет на основании § 320 Высочайше утвержденного в 8 день декабря 1828 года Устава Учебных заведений обучать в частных домах»⁵⁹.

После Указа 1831 г. текст свидетельства изменили существенным образом⁶⁰. В новом варианте содержалась отсылка к иным правовым документам и обозначался возможный предел действия документа (чего не было раньше): «Пока получивший свидетельство будет достоин своим прилежанием и поведением». Таким образом, заметно смещение акцентов от уровня знаний к нравственным качествам. Гувернер мог и не утратить навыков французского языка, но потерять право на обучение юношества, если бы его поведение стало внушать опасения.

Стандартная процедура прохождения испытания и получения свидетельства на право обучения занимала несколько дней, но бывали случаи экстренного оформления документов, если ректора университета просили об этом, и случаи чрезвычайного замедления (опять же, по просьбе какого-нибудь уважаемого лица). В связи с отъездом для работы гувернером в семье псковского гражданского губернатора А.Н. Пещурова стремительно был проэкзаменован француз барон Михаил Баккара (Вассага). Он «оставил Францию по последствию произошедшей во Франции революции, свергнувшей с престола Карла X^{го}»⁶¹. Видимо, Пещуров вышел на князя В.П. Кочубея, а тот написал попечителю Санкт-Петербургского учебного округа К.М. Бороздину (5 февраля 1832 г.), который дал указание ректору университета Дегурову (6 февраля), благодаря чему 8 февраля прошло испытание⁶². Как и следовало ожидать, результат проверки знаний был положительным. А вот в случае другого француза, Ж. Фавра, ректора предупредили (сначала секретным письмом, а потом по официальным каналам), что министр народного просвещения в письме от 31 августа 1831 г. просит не торопиться с выдачей ему свидетельства, хотя испытание Фавр уже прошел. В итоге на свидетельстве стоит дата 16 июня 1832 г., то есть девять с половиной месяцев спустя после обращения министра и 10 месяцев после испытания⁶³.

Свидетельство выдавалось после испытаний и уплаты пошли-

⁵⁹ Там же. Д. 474. Л. 4.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 24. Д. 557. Л. 9

⁶¹ Там же. Д. 1006. Л. 2.

⁶² Там же. Л. 1-5.

⁶³ Там же. Д. 557. Л. 3, 4, 5, 5 об., 8, 9.

ны, однако наладить жесткий контроль на практике не удалось и в 1831 г. Рубежом явился 1834 г. После выхода в свет Положения 1834 г. механизм допуска к испытаниям срабатывал после обращения к попечителю учебного округа и представления целого пакета документов: паспорт или вид на жительство; свидетельство о рождении и крещении; свидетельство о конфирмации для протестантов; справка о причастии для католиков; аттестат учебного заведения, в котором человек обучался; справка о благонадежности, выдаваемая российским послом или посланником в столице страны, откуда приехал этот человек или выходцем из которой он был (этот документ считался наиболее важным, и получить его было сложнее всего). Только по представлении всех необходимых документов испытуемый переходил к сдаче экзаменов – по основному предмету (который он собирался преподавать) и по дополнительным. После устного ответа кандидат писал краткое сочинение на заданную тему на русском или на одном из новейших европейских языков и давал пробную лекцию в присутствии всех испытателей. Далее с успешно прошедшего испытание брали подписку о том, что он/она не состоит ни в каких тайных обществах и масонских ложах и впредь принадлежать к ним не будут. После этого выдавалось свидетельство на право обучения.

1 марта 1846 г. вышло Положение о специальных испытаниях по Министерству народного просвещения, что усложнило для будущих гувернеров и домашних учителей процедуру прохождения испытаний: они должны были представлять еще бóльший пакет документов – добавились справка из церкви; свидетельство о жительстве от квартального надзирателя; два свидетельства от российских подданных, подтверждавших благонадежность поведения кандидата. Если испытуемый получал хотя бы по одному предмету (в том числе неосновному для будущей деятельности) оценку ниже «хорошо», испытания считались не пройденными, и, согласно циркуляру министра народного просвещения от 5 июля 1837 г., вторичное испытание можно было проходить в том же самом учебном заведении не ранее года после первого. Испытание в третий раз, как пояснял министр, «ни в каком случае не может иметь места»⁶⁴.

Успешно прошедший испытания кандидат в домашние учителя давал расписку, что не будет навязывать своим православным воспитанникам постулаты другой веры, и получал право начать гувернерскую деятельность.

---

⁶⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 6. Д. 114. Л. 2.

Динамика численности иностранных губернеров в России

Что стало очевидно сразу после принятых мер – так это заметное уменьшение числа приезжающих в Россию потенциальных воспитателей-иностранцев (диаграмма 1). Министр народного просвещения С.С. Уваров радовался этому обстоятельству, ведь иностранцы были слабо контролируемы и мало предсказуемы с точки зрения благонадежности.

Диаграмма 1
Количество иностранцев, прибывавших в Россию (включая территорию Польши) с целью заняться воспитательной деятельностью

Источник: Общие отчеты по Министерству народного просвещения за 1834-1855 гг. СПб., 1835-1856.

Судя по официальной статистике, число приезжавших иностранцев измерялось несколькими десятками. Уваров констатировал, что их численность неуклонно уменьшается, и выражал надежду, что вскоре практически все воспитатели станут русскими. Пока на практике эта мечта не реализовалась, министр требовал от попечителей учебных округов «строгой осмотрительности при выдаче аттестатов на звание домашних учителей и учительниц, или на исправление сих должностей»⁶⁵. Лично просматривая присылаемые раз в четыре месяца в Министерство попечителями ведомости о выданных свидетельствах на право обучения в частных домах или на исправление должностей домашнего учителя, С.С. Уваров обращал внимание на малейшие неточности при фиксации сведений. В 1848 г., во время очередной революционной волны в Европе, из опасения, что учителя-иностранцы могут принести нежелательный и опасный дух, был на время совсем прекращен доступ в Россию иностранцам, желавшим посвятить себя воспитанию юношества⁶⁶.

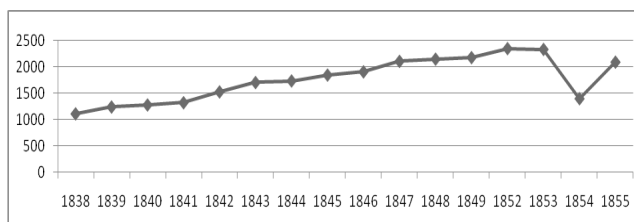
По числу лиц, занятых домашним обучением (диаграмма 2), са-

⁶⁵ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 2 59. Л. 7.

⁶⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 451.

мым «просвещенным» был Дерптский учебный округ. Конкурировать с ним мог разве что столичный, Санкт-Петербургский округ; стабильной была ситуация в Московском, Казанском и Харьковском учебных округах, то есть в регионах с более или менее старыми традициями образования. Отставал Одесский учебный округ, поскольку он был молод, а Новороссийский край еще только интенсивно осваивался.

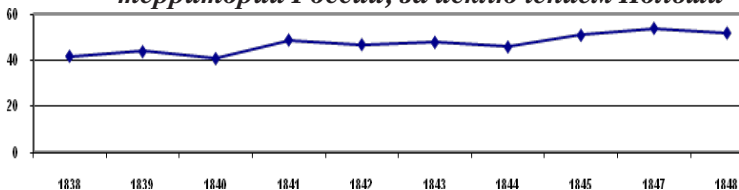
Диаграмма 2
Общее число лиц, занятых домашним обучением
(мужчин и женщин, иностранцев и российских подданных, за исключением территории Польши)

Источник: Общие отчеты по Министерству народного просвещения за 1834–1855 гг. СПб., 1835–1856.

Численность основных категорий работников, занятых домашним воспитанием, была различной. Самая квалифицированная категория – «домашние наставники», то есть мужчины с университетским образованием – насчитывала, судя по официальным данным, 41–54 человека (диаграмма 3).

Диаграмма 3
Общая численность домашних наставников по всей территории России, за исключением Польши

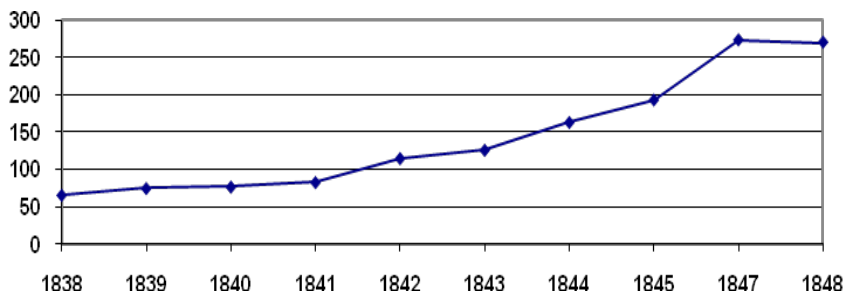
Источник: Общие отчеты по Министерству народного просвещения за 1834–1855 гг. СПб., 1835–1856.

Количество домашних учителей, то есть мужчин, не имевших университетского образования, но успешно прошедших испытания

на право обучения в частных домах, измерялось в принципиально бóльших количествах, достигнув в 1847 г. максимума в 273 человека (диаграмма 4).

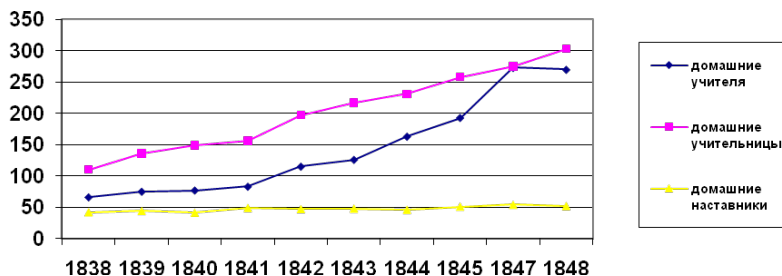
Диаграмма 4
Общая численность домашних учителей по всей территории России, за исключением Польши

Источник: Общие отчеты по Министерству народного просвещения за 1834–1855 гг. СПб., 1835–1856.

Количество домашних учительниц, то есть женщин, успешно прошедших испытания, в целом (за исключением 1847 г.) превосходило число домашних учителей (диаграмма 5) и значительно превышало численность домашних наставников.

Диаграмма 5
Сравнение численности домашних наставников, домашних учителей и домашних учительниц по всей территории России, за исключением Польши

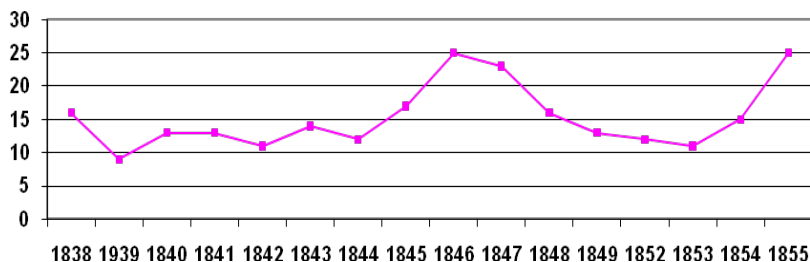

Источник: данные Общих отчетов по Министерству народного просвещения за 1834–1855 гг. Опубликовано в СПб. в 1835–1856 гг.

Отчеты по МНП дают представление о незначительности чис-

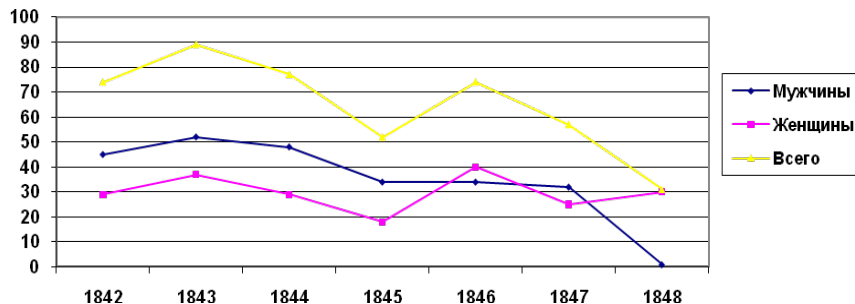
ла иностранок, исполнявших должность гувернанток (диаграмма 6): не более 25 на всю страну, судя по официальным данным. При этом, число лиц, получавших документы на право заниматься домашним обучением, было достаточно велико (диаграмма 7). С 1834 по 1843 г. было выдано 4483 свидетельства на право домашнего обучения, из них иностранцы получали ежегодно от 25 до 115 свидетельств.

Диаграмма 6
Общая численность иностранок, исполнявших должности домашних учительниц, по всей территории России, за исключением Польши

Источник: Общие отчеты по Министерству народного просвещения за 1834–1855 гг. СПб., 1835–1856.

Диаграмма 7
Количество свидетельств на исполнение должности домашнего учителя/учительницы, выданных иностранцам, в том числе мужчинам и женщинам, в целом на территории Российской империи

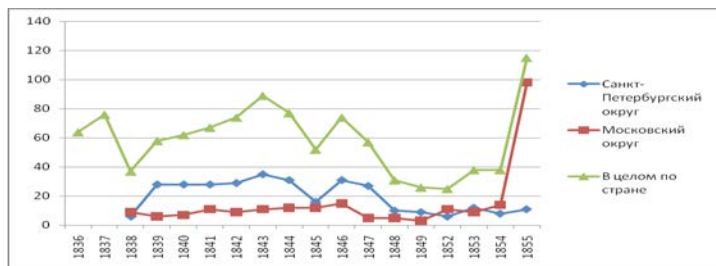
Возможно, такая разница в цифрах возникла из-за расхождений

в официальных и общепринятых наименованиях (официальные названия – «домашняя учительница», «женщина, занимающаяся первоначальным обучением» или «надзирательница», а в повседневной речи всех их называли «гувернантками»; для бытового термина «гувернер» имелись три официальные формулировки – «домашний наставник», «домашний учитель», «надзиратель»). Выявить расхождения между реальной численностью и данными официальной статистики не представляется возможным. Какая-то часть наставников, приняв российское подданство, официального статуса иностранцев не имела, оставаясь иностранцами по сути. Сложно сказать, все ли наставники официально определяли свой статус, получая свидетельство установленного образца от Министерства народного просвещения. Расхождения между числом гувернеров *de jure* и *de facto* могли быть (и наверняка были) весьма и весьма существенными.

Если проанализировать число тех иностранцев, кто получил свидетельство на право отправления должности домашнего учителя/учительницы (диаграммы 7 и 8), то заметно первоначальное превышение числа мужчин над женщинами, а также резкий рост числа получивших свидетельства в 1855 г.: это было знаком наступившей «эры свобод» после кончины Николая I.

По архивным данным можно уточнить картину, касающуюся Московского и Петербургского учебных округов, где проживала значительная часть населения страны.

Диаграмма 8
Количество свидетельств, выданных иностранцам
в Московском и Петербургском учебных округах,
и в целом по стране

Французы среди других иностранных воспитателей

Попробуем оценить долю французских гувернеров среди воспитателей других национальностей и выделить их характерные черты.

Среди данных испытательного Комитета при Санкт-Петербургском Императорском университете с 1829 по 1834 г. нами вычленены все дела, связанные с прохождением испытания на право обучения в частных домах, где имена сдающих экзамены звучат как иностранные. Всего в указанный период в Санкт-Петербургском университете проходили испытания 73 человека, из них четко обозначен иностранный статус у 41 особы. Из этих «официальных» иностранок – 11 швейцарок (27%), 3 французенки, у большинства подданство не конкретизировано. Подавляющее большинство кандидаток в гувернантки написали по-французски заявление с просьбой проэкзаменовать их. В 56 случаях (77%) потенциальные воспитательницы просили проверить их знания во французском языке, в 24 (33%) – в немецком, в 9 (12%) – в английском, в 4 (5%) – в русском и в 2 – в итальянском языках. Знание итальянского в университете не проверяли (видимо, не было специалистов). Несколько раз высказывалось желание обучать детей географии (3 случая), истории (2 случая). В 20 случаях (27%) произошло изменение в результате испытания: либо уменьшилось число разрешенных к преподаванию языков (по сравнению с тем, что просила претендентка), либо уровень владения языком был оценен лишь как достаточный для обучения «началам языка» или «чтению и разговорам на этом языке».

По архивным данным проанализирована информация о тех, кто получал свидетельство на право обучения в Московском учебном округе, включавшем в себя Калужскую, Рязанскую, Смоленскую, Тверскую, Тульскую, Ярославскую и другие губернии⁶⁷. Всего 426 человек получили свидетельства на право обучения в частных домах в 1834–1850 гг. Среди иностранных мужчин-гувернеров большинство составляли французы – 39%, почти столько же немцы – 37% (21% пруссаков и 16% выходцев из других немецких государств), 13% – подданные Великобритании, 5% – датчане, по 3% – швейцарцы и австрийцы.

Эти потенциальные гувернеры Московского округа желали преподавать разные предметы – в целом 55 пожеланий. Из них французский встречался в 33% случаев, немецкий – в 31%, латинский – в 15%, английский – в 9%, греческий – в 7%, русский – в 4%, естествен-

⁶⁷ Использованы данные из: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 12. Д. 326 а.; Оп. 19. Д. 357; Оп. 21. Д. 520; Оп. 503. Д. 1, 2, 3, 4); Ф.459. Оп.2. Д. 1478.

ная история – в 2% случаев. Конечно, для статистики количество анализируемых иностранцев невелико, но тренды (известные и по другим видам источников) определенно прослеживаются: иностранные учителя в России преподавали преимущественно иностранные языки.

Если сравним эти показатели с теми, что имеют отношение только к французским гувернерам, то получится такая картина. Всего прошел испытания 51 человек, которые могут быть отнесены к французам. Из них сохранили французское подданство 47 человек. Из этих 47 человек – 18 мужчин, то есть – 38%, и 29 – женщин, то есть 62%.

Из них известна конфессиональная принадлежность 32 человек: католиков 19 (59%), протестантов 12 (38%), православных 1 (3%).

Все желали преподавать французский язык; другие предметы (немецкий, английский языки) добавлялись к нему крайне редко. Никаких латыни и греческого – излюбленных предметов немецких гувернеров. Точные результаты испытаний известны у 27 человек. Знания французского языка были оценены следующим образом: отлично – 1 случай (4%), очень хорошо – 17 человек (63%), хорошо – 8 человек (30%), и не прошел испытания – 1 (4%).

История и география проверялись для оценки общей эрудиции. Здесь показатели следующие: отличные и удовлетворительные знания – по 4%, хорошие и достаточные – по 29%, очень хорошие и довольно хорошие – по 17%.

По арифметике показатели хуже. Спектр оценок более узок: хорошо, удовлетворительно, достаточные сведения. Хорошо получили 35%, удовлетворительно – 9%, достаточные сведения показало большинство из проходивших испытания – 57%.

Заключение

Если сравнить эти количественные показатели со сложившимися стереотипами восприятия иностранных гувернеров – образованных немцев и невежественных французов, то видим, что некоторые основания для подобного противопоставления есть. Спектр предметов, преподаваемых французами, был более узок, а общая эрудиция (знание неязыковых предметов) – ниже. Однако этот разрыв не столь велик, чтобы говорить о полном невежестве домашних учителей – французов. По крайней мере, во второй четверти XIX в. данных для столь низкой оценки французских наставников из числа тех, кто получил свидетельство на право обучения в частных домах Петербургского и Московского учебных округов, нет. Свой французский язык они знали по преимуществу на оценку «очень хорошо», а ведь и брали их в дворянские дома для преподавания прежде всего этого предмета.

Курс на уменьшение числа иностранцев, занимавшихся домашним обучением в России, при Николае I целенаправленно выдерживался Министерством народного просвещения. Задача «поглощения» частного воспитания общественным была, по мнению С.С. Уварова, решена к 1843 г.⁶⁸ «Поглощение» не означало полное исчезновение. Деятельность домашних наставников была взята под жесткий контроль государства. Как результат, число иностранных воспитателей сократилось. Однако и этих мер со временем показалось недостаточно.

Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа граф М.Н. Мусин-Пушкин в представлении министру графу С.С. Уварову от 11 марта 1848 г. писал: «Теперь наступило время, чтобы к испытанию в Домашние Учители и Учительницы, и на право первоначального образования допускать только подданных Русских, в нравственности и в образе мыслей которых можно удобнее удостовериться. Предлагаемая мера будет иметь благодетельные последствия, в особенности прекращением прилива Иностранных Учителей и Учительниц, которых нравственность неизвестна и образ мыслей, конечно почти без исключения, вреден Русскому юношеству»⁶⁹.

В целом в воспитательном процессе русского дворянства ниша французских гувернеров/гувернанток наиболее обширная и, видимо, при этом самая неоднозначная. Они учили статусному французскому языку, но были сомнительны с точки зрения «нравственной». Шлейф революций (1789, 1830, 1848 гг.) тянулся за ними, и российские власти опасались их «неправильного» влияния на русских учеников. В то же время и швейцарцы из франкоязычных кантонов, которые успешно конкурировали с французами как гувернеры, в свете возникших в Швейцарии социальных катаклизмов (противостояние либеральных и клерикальных кантонов) были в 1846 г. объявлены опасными и «прием Швейцарцев и Швейцарок в учителя и гувернантки» по указанию императора был запрещен⁷⁰.

Этапами курса Министерства народного просвещения на «сворачивание» домашнего образования стали усложнение процедуры оформления документов на получение звания домашнего учителя/учительницы, что отпугнуло определенную часть иностранцев и затруднило им гувернерскую карьеру, контроль за текущей педагогической деятельностью, распространение льгот и привилегий исключительно

⁶⁸ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 294.

⁶⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 451. Лл. 1об.–2.

⁷⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 9. Д. 185. Л. 1–2.

на учителей – российских подданных, а также обязательность обучения детей в пределах России. В свете этого домашнее образование, осуществлявшееся с помощью гувернеров и гувернанток, во вторую четверть XIX в. утрачивает свои былые позиции (особенно это заметно в отношении гувернеров, воспитывавших мальчиков, менее – в отношении гувернанток, воспитывавших девушек). Начиная с 30-х гг. XIX в. в дополнение к иностранным наставникам все чаще использовались русские, и задачи, стоящие перед ними, различались. Хотя домашнее образование с использованием гувернеров и гувернанток просуществовало до 1917 г., со второй половины XIX в. в свете **значительных социальных** перемен наступает новый этап в существовании гувернерства как явления. Роль иностранных гувернеров в целом и французских в частности в дворянской среде значительно уменьшилась.